

С. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе.

Критическій этюдъ. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1900. VI—370 стр.

„Есть признаки что теорія цѣнности Маркса не всѣхъ уже удовлетворяетъ, а если вынуть этотъ краеугольный камень изъ зданія, воздвигнутаго Марксомъ, то устоитъ ли оно? Едва ли“.

Н. Бунге. Очерки пол.-эк. литературы. 1895. Стр. 156.

Появленіе третьяго тома Капитала К. Маркса (1894 г.), показавшее многимъ крупное противорѣчіе въ его экономической системѣ, положило начало критическому теченію въ средѣ самихъ его сторонниковъ. Теченіе это все болѣе и болѣе развивается въ настоящее время. Оно выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшить которые на почвѣ ученія Маркса оказалось весьма труднымъ дѣломъ; а это, въ свою очередь, повело къ тому, что наиболѣе смѣлые и послѣдовательные изъ его учениковъ отказались отъ многихъ основныхъ положеній своего учителя.

Родоначальникомъ этого критическаго теченія на Западѣ надо считать Вернера Зомбарта (*Sur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. Braun's Archiv. 1894 B. 7. Рус. пер. Къ критикѣ экономич. системы Карла Маркса. Научн. Обозр. 1898. IV*), а самымъ яркимъ представителемъ въ настоящее время Эдуарда Бернштейна (*Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. 1899. Часть пер. на рус. языкъ подъ заглавіемъ: „Историческій матеріализмъ“ Спб. 1901*).

Въ Россіи это теченіе началось года 2—3 тому назадъ. Уже во время спора по вопросу о рынкахъ, поднятаго книгой Булгакова ¹⁾, стали раздаваться самостоятельные голоса, не стѣснявшіеся тѣмъ, что ихъ выводы шли въ разрѣзъ съ ученіемъ Маркса. Такъ, въ январѣ 1899 года П. Б. Струве писалъ: „въ настоящее время въ литературѣ, порожденной „Капиталомъ“ Маркса, и на Западѣ, и у насъ настала эпоха оживленія. Время простого усвоенія и повторенія прошло, началось время критическаго претворенія и дальшаго развитія. Ортодоксальные перепѣвы, конечно, еще продолжаютъ доминировать, но они не могутъ заглушить новой критической струи, потому что истинная сила въ научныхъ вопросахъ всегда на сторонѣ критики, а не вѣры“ ²⁾.

Еще рѣзче сказалось критическое направленіе во время полемики по вопросу о цѣнности, пересмотръ котораго былъ предпринятъ вслѣдъ за вопросомъ о рынкахъ. Начало этой полемики положено было статьями М. И. Туганъ-Барановскаго ³⁾, въ которыхъ авторъ отказался отъ многихъ положеній ученія Маркса о цѣнности. Нѣкоторыя мысли, высказанныя въ этихъ статьяхъ и вызвавшія цѣлую бурю негодованія въ средѣ ортодоксальныхъ марксистовъ, получили дальнѣйшее развитіе въ статьяхъ П. Б. Струве, гдѣ онъ уже прямо называлъ трудовую теорію цѣнности „абсурдной“, „произвольной“, „не согласной съ опытомъ“ ⁴⁾.

Наконецъ, къ этому же теченію въ средѣ русскихъ марксистовъ надо отнести и недавно появившуюся книгу С. Франка, заглавіе которой выписано въ заголовкѣ нашей замѣтки. Но примыкая по своему критическому направленію къ статьямъ Струве и Т.-Барановскаго, она стоитъ совершенно особнякомъ отъ нихъ, какъ по богатству использованнаго въ ней литературнаго матеріала, такъ и по самой постановкѣ вопроса о значеніи трудовой теоріи цѣнности и его разрѣшенію.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ изложить наиболѣе интересныя положенія г. Франка и показать, какія изъ этихъ положе-

¹⁾ „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ“. 1898 г.

²⁾ „Къ вопросу о рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ“. Научн. Обозр. 1899. I.

³⁾ „Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса“. Научное Обозр. 1899. V. и „Трудовая цѣнность и теорія прибыли Маркса“. Научн. Обозр. 1900. III.

⁴⁾ „Противъ ортодоксіи“ Жизнь. 1899. X. и „Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности“. Жизнь. 1900. II.

ній могутъ быть приняты на основаніи тѣхъ доводовъ, которыми онъ ихъ подкрѣпляетъ.

Книга Франка начинается анализомъ различныхъ опредѣленій цѣнности. Онъ справедливо указываетъ на ту невѣроятную путаницу понятій, которая царитъ по этому поводу въ политической экономіи. Начало ея положила еще классическая школа. Развитие науки не уменьшило ея, а еще болѣе увеличило. Максимумъ она достигла у толкователей Маркса, у которыхъ цѣнность потеряла всякую связь съ истиннымъ этимологическимъ значеніемъ этого слова. „Слова: цѣнить, цѣна, оцѣнивать выражаютъ обыкновенно понятіе о разнообразныхъ обстоятельствахъ, которыя побуждаютъ или отдавать предпочтеніе однимъ предметамъ предъ другими, или дорожить одними болѣе, другими менѣе, и устанавливать между ними извѣстную постепенность, служащую основой для опредѣленія ихъ равноцѣнности по количеству“¹⁾. А между тѣмъ, у послѣдователей Маркса цѣнность является, то какимъ-то „общественнымъ выраженіемъ факта производительности общественнаго труда, какъ основы экономического существованія“ (Зомбартъ), то „необходимымъ реквизитомъ экономического познанія“ (Булгаковъ)²⁾, то какимъ-то постулатомъ, который, хотя не можетъ быть доказанъ, но и не нуждается въ такомъ доказательствѣ и т. п. Нѣкоторое выясненіе различныхъ значеній цѣнности предпринято современной нѣмецкой наукой. Результатами этихъ работъ воспользовался Г. Франкъ.

Онъ устанавливаетъ различіе между *цѣнностью вообще*, какъ родовымъ понятіемъ и видовымъ понятіемъ цѣнности—*мѣнновой цѣнностью*, подъ которой онъ понимаетъ „то отношеніе, въ которомъ обмѣниваются другъ на друга блага“ (7). Противъ такого опредѣленія мѣнновой цѣнности защитники трудовой теоріи обыкновенно возражаютъ, что оно скорѣе является опредѣленіемъ цѣны, чѣмъ мѣнновой цѣнности. Поэтому Франкъ удѣляетъ нѣсколько страницъ разбору понятій мѣнновой цѣнности и цѣны. Онъ говоритъ, что послѣдователи Маркса цѣной называютъ *фактическое* мѣнновое отношеніе товаровъ, мѣнновой же цѣнностью два различныхъ явленія: то также мѣнновое отношеніе товаровъ, но отношеніе *среднее*, болѣе или менѣе устойчивое, къ которому, какъ къ предѣлу стремятся фактическія мѣнновыя отношенія, почти никогда не достигая его, то извѣстное качество предметовъ, дающее имъ способность при-

¹⁾ Н. Бунге. Оч. пол.-эк. литературы, стр. 128.

²⁾ О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ пол.-эк. Научн. Обозр. 1898. II.

обрѣсти на рынкѣ цѣну, т. е. обмѣняться на другіе товары. Противъ этого послѣдняго пониманія мѣновой цѣнности Франкъ рѣшительно возстаетъ. Что касается, говоритъ онъ, того качества или обстоятельства, которое обуславливаетъ возможность обмѣна для каждаго товара, то обозначать его тѣмъ же терминомъ, которымъ обыкновенно пользуются для обозначенія самаго мѣнового отношенія, значить спутывать два совершенно разнородныхъ понятія—мѣнового отношенія съ одной стороны, и причинъ, вліяющихъ на него, съ другой (стр. 16). Относительно же различенія фактическаго мѣнового отношенія и средняго, къ которому тяготеютъ фактическія, Франкъ совершенно правильно говоритъ, что среднее мѣновое отношеніе есть все-таки мѣновое отношеніе, и потому общій законъ, управляющій всякимъ мѣновымъ отношеніемъ, управляетъ и среднимъ. Другими словами законъ, управляющій образованіемъ рыночныхъ цѣнъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ мѣновой цѣнности, такъ какъ послѣдняя есть лишь частный случай цѣны. Поэтому Франкъ не дѣлаетъ принципиальнаго различія между цѣной и мѣновой цѣнностью. „Мы отдаемъ, говоритъ онъ, рѣшительное предпочтеніе англійской терминологіи, для которой цѣна есть лишь мѣновое отношеніе товаровъ къ деньгамъ, и только этимъ отличается отъ понятія мѣновой цѣнности, означающаго мѣновое отношеніе между товарами вообще, независимо отъ того, есть ли одинъ изъ этихъ товаровъ деньги или нѣтъ“ (17). Мы вполне примыкаемъ къ этой терминологіи, устраняющей массу неясностей. Но съ авторомъ нельзя согласиться въ томъ, что онъ придерживается въ данномъ случаѣ терминологіи англійскихъ классиковъ. Правда, ни Смитъ, ни Рикардо не дѣлаютъ различія между цѣной и цѣнностью, но они различаютъ рыночныя цѣны отъ среднихъ или естественныхъ, къ которымъ тяготеютъ рыночныя. Эти то среднія мѣновыя отношенія нѣкоторые сторонники трудовой теоріи и называютъ мѣновой цѣнностью, въ отличіе отъ рыночныхъ, которыя они считаютъ цѣнами. Такое пониманіе ими мѣновой цѣнности опредѣляетъ и задачу критики трудовой теоріи. Признавая, что различіе между рыночными и средними цѣнами не имѣетъ принципиальнаго значенія, критика вправѣ сдѣлать трудовой теоріи упрекъ въ томъ, что она не объясняетъ рыночныхъ цѣнъ. Но этого мало. Она должна кромѣ того показать, что теорія эта не объясняетъ и тѣхъ среднихъ цѣнъ, около которыхъ колеблются рыночныя. Другими словами она должна показать, что товары не только не обмѣниваются въ дѣйствительности по труду, но и не стремятся къ такому обмѣну. Ниже мы увидимъ, показалъ ли это Франкъ.

Въ зависимости отъ различія между цѣнностью вообще и мѣновой цѣнностью вся работа Франка распадается на двѣ части. Первая занимается разрѣшеніемъ вопроса, правильна-ли трудовая теорія мѣновой цѣнности, т. е. вопроса, въ какой мѣрѣ справедливо, что мѣновое отношеніе между товарами опредѣляется сравнительнымъ количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, и только имъ однимъ. Вторая часть работы болѣе оригинальная, но за то, на нашъ взглядъ, менѣе правильная по своимъ конечнымъ выводамъ, посвящена анализу цѣнности, какъ родового понятія, т. е. цѣнности абсолютной, ея причинъ и соотношенія между нею и трудомъ, съ одной стороны, и мѣновою цѣнностью, съ другой. Заканчивается эта часть его работы изложеніемъ ученій о цѣнности Тюрго, Отта, Дюринга, Штольцмана и Родбертуса, которые рассматривали зтотъ вопросъ съ тѣхъ же сторонъ, какъ и онъ. Конечно, этой главы нельзя считать исчерпывающимъ историческимъ очеркомъ, нельзя даже сказать, что ученія этихъ пяти экономистовъ изложены съ достаточной полнотой. Съ этимъ соглашается и самъ авторъ, говоря, что его интересовало въ ихъ ученіяхъ не все, а лишь то, что—несмотря на недостатки—содержится въ нихъ вѣрнаго. Наконецъ, въ заключеніе авторъ пытается намѣтить тотъ путь, которымъ, по его мнѣнію, должна идти дальнѣйшая разработка проблемъ, относящихся къ теоріи цѣнности и связанной съ ней теоріи распредѣленія.

Возвращаемся къ первой части, т. е. къ критикѣ трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

Начинается она разборомъ постановки вопроса о мѣновой цѣнности у Маркса. Послѣдній, какъ извѣстно, считаетъ всякое мѣновое отношеніе уравненіемъ, показывающимъ, что въ двухъ различныхъ товарахъ, обмѣнивающихся другъ на друга, есть нѣчто общее одинаковой величины. Отыскать это общее и составляетъ задачу теоріи. По этому поводу Франкъ замѣчаетъ, что такая постановка вопроса дѣлаетъ совершенно невозможными какія-либо изъятія изъ общаго правила, въ родѣ исключенія рѣдкихъ благъ Рикардо или рыночныхъ цѣнъ А. Смита. Марксъ, говоритъ онъ, съ самаго начала признаетъ основой цѣнности только то свойство, которое вообще дѣлаетъ блага сравнимыми между собою. Очевидно, что это свойство должно имѣться у всѣхъ благъ безъ исключенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, или блага, не обладающія имъ, не могли бы вообще приравняться имъ, т. е. входить въ мѣновой процессъ и обладать мѣновою цѣнностью, или же найденное *tertium comparationis* служить таковымъ только для одного разряда благъ,

а слѣдовательно для всѣхъ благъ вообще должно существовать другое, которое и было бы дѣйствительной основой мѣновой цѣнности (31). Конечно, это строгое требованіе необязательно для тѣхъ защитниковъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности, которые считаютъ ее приложимой лишь къ частнымъ случаямъ обмена и вовсе не претендуютъ на ея универсальное значеніе. Съ этимъ соглашается самъ авторъ. Мы стоимъ, говоритъ онъ, передъ дилеммой или остановиться на точкѣ зрѣнія Смита и Рикардо, по которой трудъ вовсе не составляетъ *универсальную* субстанцію мѣновой цѣнности, а есть лишь ближайшая причина ея у одного сорта благъ, или же, если вопросъ идетъ объ отысканіи общаго условія мѣновой цѣнности—отказаться въ этомъ достоинствѣ труду (33). Но онъ правильно прибавляетъ къ этому, что принятіе трудовой теоріи съ такими ограниченіями не избавляетъ отъ обязанности искать „общее условіе“ мѣновой цѣнности, приложимое ко всѣмъ мѣновымъ сдѣлкамъ. Послѣ этихъ замѣчаній о постановкѣ вопроса Франкъ переходитъ къ самому разбору теоріи, при чемъ показываетъ, что въ ней „имѣется столько же крупныхъ ошибокъ, сколько и звеньевъ мысли“. Разборъ этотъ не представляетъ чего-либо новаго. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, всѣ приводимыя имъ возраженія, неоднократно выставлялись другими авторами. Къ нимъ, на примѣръ, принадлежитъ Бемъ-Баверкъ¹⁾, на котораго онъ самъ неоднократно указываетъ. Но странно, что Франкъ совершенно, повидимому, не знаетъ о критикѣ теоріи цѣнности Маркса, принадлежащей нашимъ русскимъ писателямъ: Б. Н. Чичерину²⁾ и Н. Х. Бунге³⁾. Особеннаго вниманія заслуживала-бы работа Чичерина, который еще въ 1878 году указалъ на всѣ почти ошибки Маркса, отмѣченныя Бемъ-Баверкомъ въ 1896 году.

Подробное изложеніе доводовъ Франка противъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности было бы слишкомъ утомительно, и потому мы лишь въ краткихъ чертахъ укажемъ ходъ его мысли.

Раньше всего онъ возражаетъ противъ исключенія Марксомъ изъ мѣновой цѣнности полезности. Далѣе онъ доказываетъ, что затрату труда отнюдь нельзя считать общимъ свойствомъ обмѣниваю-

¹⁾ „Zum Abschluss des Marx'schen Systems“ въ „Festgaben für K. Knies, Berlin. 1896. (Рус. пер. подъ ред. Георгіевскаго: „Теорія Маркса и ея критика“. Спб. 1897).

²⁾ „Нѣмецкіе социалисты. II. Карль Марксъ“ въ „Сборникъ государственныхъ знаній“, томъ VI. 1878 г.

³⁾ „Очерки политико-экономической литературы“, стр. 113—156.

щихся товаровъ, ссылаясь на цѣлыя группы товаровъ, не являющихся вовсе продуктами труда; таковы, напр., земля и ея естественныя произведенія.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ онъ обращаетъ вниманіе на то, что трудовая теорія не объясняетъ цѣлаго ряда случаевъ обмѣна, которые она называетъ рыночными цѣнами. Обыкновенно, говоритъ онъ, на это отвѣчаютъ, что теорія эта учитываетъ лишь главнѣйшую силу, обуславливающую мѣновыя отношенія, оставляя въ сторонѣ всѣ второстепенныя причины, отклоняющія эти отношенія отъ соотвѣтствія сравнительнымъ затратамъ труда. А между тѣмъ подъ вліяніемъ этихъ причинъ и складываются рыночныя цѣны. Поэтому трудовую теорію не можетъ подрывать то обстоятельство, что она не объясняетъ рыночныхъ цѣнъ. Франкъ возражаетъ на это, что такое разсужденіе противорѣчитъ постановкѣ вопроса Марксомъ. Марксъ не искалъ отдѣльныхъ причинъ мѣновой цѣнности, начиная съ главнѣйшихъ и постепенно переходя къ второстепеннымъ. Онъ искалъ отвѣта на вопросъ: что такое мѣновая цѣнность, что лежитъ въ ея основѣ. При томъ же искалъ онъ эту основу путемъ анализа самаго понятія обмѣна, а потому онъ не могъ принимать во вниманіе одни случаи обмѣна и оставлять безъ разсмотрѣнія другіе. Но даже, если искать отдѣльныхъ причинъ, образующихъ мѣновую цѣнность, то и тогда нельзя остановиться на трудовой теоріи. Если ни одного явленія, говоритъ онъ, нельзя объяснить сполна, если нѣкоторыя участвующія въ его образованіи причины и должны ускользнуть навсегда отъ вниманія изслѣдователя,... то, во всякомъ случаѣ, предпочтеніе должно быть отдано теоріи, которая умѣетъ объединить максимумъ ихъ подъ однимъ общимъ закономъ. Съ этой точки зрѣнія теорію, которая нашла бы что-либо общее въ причинахъ, опредѣляющихъ среднюю цѣнность и рыночныя цѣны, надо было бы поставить выше трудовой теоріи, которая оказалась бы лишь частнымъ случаемъ ея (42). Вслѣдъ за этимъ Франкъ подвергаетъ критикѣ взглядъ Маркса на законъ спроса и предложенія. Онъ считаетъ, что Марксъ поступаетъ совершенно неправильно, призывая этотъ законъ на помощь для объясненія рыночныхъ цѣнъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицая его способность оказывать какое бы то ни было вліяніе на установленіе мѣновой цѣнности. Пользуясь аргументаціей Бемъ-Баверка ¹⁾ и Мальтуса ²⁾, онъ показываетъ, что спросъ и предложеніе, съ одной сто-

¹⁾ *Op. cit.*, стр. 100 и слѣд.

²⁾ *Principes d'économie politique*, trad. par Constantio. I. p. 80—81.

роны, и затрата труда, съ другой, не есть два независимыхъ фактора, дѣйствующіе рядомъ другъ съ другомъ. Въ дѣйствительности спросъ и предложеніе являются универсальнымъ механизмомъ образованія мѣновыхъ отношеній. Значеніе сравнительной затраты заключается только въ томъ, что она въ извѣстныхъ случаяхъ воздѣйствуетъ на этотъ механизмъ, т. е. опредѣляетъ величину предложенія или спроса, но никакъ не въ томъ, что она сама по себѣ, независимо отъ спроса и предложенія, дѣйствуетъ на самыя мѣновыя отношенія. На нихъ кромѣ спроса и предложенія и наряду съ ними не дѣйствуютъ никакіе факторы: всѣ возможные факторы образованія мѣновыхъ отношеній дѣйствуютъ черезъ посредство спроса и предложенія, и дѣйствія ихъ учитываются въ дѣйствіи послѣднихъ (57).

Отмѣтивъ указанныя ошибки трудовой теоріи, Франкъ доказываетъ, что теорія эта не объясняетъ и „среднихъ цѣнъ“, около которыхъ колеблются рыночныя. Какъ видно изъ III-го тома „Капитала“ среднія цѣны оказываются вовсе не пропорціональными сравнительнымъ затратамъ труда, а измѣряются издержками производства со включеніемъ средней прибыли на капиталъ и ренты, т. е. тѣми же издержками производства, которыми задолго до Маркса объясняли цѣны „буржуазные экономисты“.

Но Франкъ показываетъ далѣе, что и теорія издержекъ производства не можетъ быть признана правильной, такъ какъ конкуренція, на дѣйствіи которой покоится эта теорія, далеко не такъ всемогуща, чтобы она могла побороть всѣ препятствія, поставляемыя ей на пути современной экономической жизнью. Въ связи съ этимъ стоитъ и вопросъ о расцѣнкѣ разныхъ видовъ труда. Въ обмѣнѣ важна не затрата труда сама по себѣ, а качество этой затраты и то, что этой затратой можетъ быть произведено. Поэтому одни и тѣ же количества труда, но разнаго качества не могутъ считаться равноцѣнностями. Уравненіе не можетъ быть достигнуто и всемогущей конкуренціей, даже если присоединить къ труду высшаго качества трудъ, затраченный на предварительное обученіе. Возможность обученія есть далеко не у всѣхъ, да и у тѣхъ, кто обладаетъ ею, она не одинакова, вслѣдствіе чего она представляетъ извѣстнаго рода монополію и какъ таковая ограничиваетъ дѣйствіе конкуренціи и даетъ обладателю извѣстныхъ преимуществъ на рынкѣ. Наконецъ, трудовая теорія упускаетъ изъ виду различіе природныхъ способностей, которое создаетъ какъ-бы умственную ренту, не остающуюся безъ вліянія на расцѣнку труда разнаго качества.

Мы обращаемъ особое вниманіе на эти разсужденія Франка о невозможности полной свободы конкуренціи, подробнѣе развитыя имъ въ концѣ книги ¹⁾, такъ какъ въ нихъ заключается отрицательный отвѣтъ и на вопросъ: не обнаруживается-ли обмѣнъ, по крайней мѣрѣ, *стремленія* къ соотвѣтствію съ затратами труда. Такое стремленіе, какъ извѣстно, обосновываютъ на дѣйстви свободной конкуренціи. Между тѣмъ Франкъ показываетъ, что конкуренція въ данномъ случаѣ наталкивается на непреодолимыя препятствія. На указанныхъ въ послѣднемъ нашемъ примѣчаніи страницахъ онъ подробно говоритъ о томъ, что такими препятствіями, помимо различія индивидуальныхъ дарованій, являются капиталы и другія природныя и общественныя условія производства. Разъ капиталы и силы природы являются собственностью отдѣльныхъ лицъ и при томъ распределены между ними неравномѣрно, то всегда обладатели этихъ производительныхъ силъ будутъ пользоваться въ обмѣнѣ извѣстными преимуществами передъ тѣми, кто лишенъ этихъ силъ, и конкуренція не въ состояніи будетъ привести обмѣнъ къ пропорціональности затратамъ труда. Неправильно было бы при томъ же считать это обстоятельство лишь второстепенной причиной, нарушающей основное правило обмѣна, такъ какъ частная собственность на землю, капиталы и прочія условія производства и неравномѣрное распределеніе ихъ между отдѣльными лицами есть характерная черта современнаго экономическаго строя. Считать эту черту второстепенной—это значитъ заранѣе отказаться отъ возможности познать законы, управляющіе экономической жизнью.

Не оставляетъ Франкъ безъ вниманія и понятія „общественно-необходимаго“ труда. Но введеніе этого понятія, которое послѣдователи Маркса считаютъ такимъ крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія трудовой теоріи Смита-Рикардо, по его мнѣнію, является отказомъ отъ трудовой теоріи, такъ какъ при этомъ уже не трудъ опредѣляетъ мѣновую цѣнность, а состояніе общественныхъ потребностей. Въ условіяхъ потребленія надо искать то количество труда, которое можетъ войти въ составъ мѣновой цѣнности и опредѣлить ея величину.

Разборъ теоріи Маркса Франкъ заканчиваетъ критикой *трудовой теоріи богатства*, по которой вся совокупность цѣнностей, составляющихъ богатство, создается однимъ трудомъ. Онъ излагаетъ вкратцѣ исторію этой теоріи, показывающую ея крайнюю живучесть.

¹⁾ См. стр. 296—318 и 361—4.

Но затѣмъ имъ приводится цѣлый рядъ соображеній, на основаніи которыхъ эта теорія, не смотря на свою живучесть, должна быть признана ошибочной, такъ какъ природа и капиталъ съ такимъ же правомъ могутъ быть названы производителями цѣнностей, какъ и трудъ.

А если это такъ, то падаетъ и еще одинъ доводъ въ пользу трудовой теоріи мѣновой цѣнности, который не развитъ систематически у Маркса, но который тѣмъ не менѣе можно уловить у него. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ. Общество нуждается въ правильномъ распредѣленіи труда по различнымъ отраслямъ производства. А такъ какъ при современномъ хозяйственномъ строѣ каждый предприниматель ведетъ свое производство самостоятельно за собственный счетъ и страхъ и лишь въ обмѣнѣ сносится съ другими предпринимателями, то обмѣнъ долженъ происходить такимъ образомъ, чтобы въ немъ каждый получалъ за свои продукты известное количество другихъ, заключающее въ себѣ ту-же затрату общественно необходимаго рабочаго времени, какая заключается въ его товарахъ. Этимъ общество заставитъ правильно распредѣлять общественный трудъ, наказывая всякую ошибку тѣмъ, что виновникъ ея не получитъ въ обмѣнѣ вознагражденія за ненужную для общества трату его. „Отсюда-то и вытекаетъ трудовой законъ мѣновой цѣнности для существующаго общества“ (136).

Франкъ показываетъ, что это апріорное обоснованіе трудовой теоріи покоится на признаніи труда единственнымъ факторомъ производства, который одинъ долженъ учитываться обществомъ и правильно распредѣляться въ производствѣ. Ложность этой основной посылки влечетъ за собою ошибочность конечнаго вывода. Но рядомъ съ этимъ возраженіемъ Франкъ приводитъ еще и другое. Необходимость правильнаго распредѣленія производства, по его мнѣнію, еще не опредѣляетъ принципа распредѣленія общественнаго дохода, а слѣд. и закона мѣновой цѣнности. Съ этимъ мы не можемъ согласиться. Въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ обмѣнъ несомнѣнно есть механизмъ, регулирующий производство. Поэтому мѣновая цѣнность и характеръ распредѣленія различныхъ производительныхъ силъ неразрывно связаны другъ съ другомъ. Конечно, при этомъ распредѣляется не одинъ трудъ, а все факторы производства, поэтому и обмѣнъ учитываетъ не однѣ затраты труда, а затраты всѣхъ факторовъ; но нельзя сказать, что обмѣнъ вообще не связанъ съ необходимостью известнымъ образомъ распредѣлять эти факторы по различнымъ отраслямъ производства.

Показавъ, что трудовая теорія не выдерживаетъ критики въ качествѣ теоріи *мѣнновой* цѣнности, Франкъ переходитъ во второй части своей работы къ вопросу, не можетъ ли она быть признана истинной при какомъ-либо иномъ пониманіи цѣнности.

Подходить онъ къ этому вопросу очень издалека. Прежде всего онъ говоритъ, что кромѣ *мѣнновой* цѣнности, какъ цѣнности относительной, существуетъ *абсолютная* цѣнность, т. е. „известное свойство товара или блага, какъ такового, независимо отъ его отношенія къ другимъ товарамъ или благамъ“ (167). Затѣмъ онъ разсматриваетъ, какъ понимали абсолютную цѣнность классики и Марксъ. Эта экскурсія въ область исторіи показываетъ ему, что у предшественниковъ Маркса были лишь намеки на признаніе подобной цѣнности, но они не выяснили ея содержанія. У Маркса имѣется выработанная теорія абсолютной цѣнности; однако, теорія эта страдаетъ известной двойственностью. Поскольку Марксъ представляетъ себѣ абсолютную цѣнность непосредственно связанной съ *мѣнновой* и составляющей только потенциальную способность къ последней, его теорія абсолютной цѣнности раздѣляетъ всѣ недостатки трудовой теоріи *мѣнновой* цѣнности. Поскольку же у Маркса мы встрѣчаемъ противоположныя указанія на независимость абсолютной цѣнности отъ *мѣнновой*, понятіе абсолютной цѣнности выигрываетъ въ матеріальной правильности, но проигрываетъ въ опредѣленности (192).

Послѣдовательно выработанную теорію абсолютной цѣнности дало лишь одно направленіе въ экономической наукѣ, именно австрійская или психологическая школа, создавшая теорію предѣльной полезности. Къ ней и обращается Франкъ.

Вся V-ая глава его сочиненія посвящена изложенію этой теоріи. Мы не будемъ повторять этого изложенія и перейдемъ прямо къ тѣмъ выводамъ изъ теоріи предѣльной полезности, которые заставляютъ его все таки признать известное значеніе за трудовой теоріей, правда, весьма ограниченное—именно, какъ теоріи субъективной цѣнности общественнаго дохода. Теорія предѣльной полезности учитъ, что субъективная цѣнность блага опредѣляется его предѣльной полезностью, т. е. интенсивностью низшей потребности, удовлетвореніе которой зависитъ отъ обладанія даннымъ благомъ (209). Но если цѣлый рядъ какихъ либо благъ производится при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ производства, тогда обладаніе этими благами будетъ зависетьъ отъ обладанія этими средствами производства. А потому цѣнность ихъ опредѣлится уже не предѣльной полезностью каждаго изъ нихъ, а предѣльной полезностью

этихъ средствъ производства. Цѣнность же послѣднихъ, какъ и всякаго другого блага, опредѣляется ихъ предѣльной полезностью, т. е. цѣнностью самаго дешеваго блага, которое производится при ихъ помощи. Слѣд., блага, создаваемые при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ производства, обладаютъ всѣ одинаковой цѣнностью, равной субъективной цѣнности наименѣе полезнаго изъ нихъ предмета потребленія, которая, въ свою очередь, опредѣляется его собственной предѣльной полезностью (212). Такія блага называются „родственными по производству“ (productionsverwandte Güter) и цѣнность ихъ, какъ видно, будетъ пропорціональна количествамъ средствъ производства, затрачиваемымъ на ихъ созданіе. Далѣе, Франкъ переходитъ къ анализу субъективной цѣнности общественнаго дохода. Что такое доходъ? Послѣдній, какъ онъ показываетъ, есть совокупность благъ, которыя непрерывно потребляются, а потому должны быть непрерывно воспроизводимы. Воспроизведеніе этихъ благъ и есть производство. Въ изолированномъ хозяйствѣ, гдѣ ни одно благо не можетъ быть получено со стороны, „пріобрѣтеніе того или иного блага зависитъ отъ способа приложенія труда. Какіе бы факторы ни участвовали въ производствѣ благъ, въ конечномъ счетѣ для человѣка ихъ созданіе опредѣляется направлениемъ его собственной дѣятельности, т. е. затратой его труда“ (233). А слѣд., всѣ блага, входящія въ доходъ изолированнаго хозяйства, могутъ быть разсматриваемы „родственными по производству“, и цѣнность ихъ опредѣляется затратой общаго средства производства, т. е. затратой труда. То же надо сказать и о благахъ, составляющихъ доходъ общества, основаннаго на мѣновомъ оборотѣ, если только разсматривать все это общество, какъ одно цѣлое. Такимъ образомъ, трудовая теорія находитъ все таки убѣжище, именно въ субъективной оцѣнкѣ общественнаго дохода съ точки зрѣнія всего общества. Правда, Франкъ при этомъ оговаривается, что общія условія субъективной цѣнности онъ считаетъ лежащими не въ затратѣ труда, а въ другихъ обстоятельствахъ, изложенію которыхъ онъ посвятилъ предшествующую главу. „Зависимость между цѣнностью и трудомъ, говоритъ онъ, не лежитъ въ самомъ понятіи цѣнности, а есть зависимость реальная, происходящая изъ особой комбинаціи общихъ условій цѣнности“ (241). Но, нѣсколькими страницами ниже, онъ успокаиваетъ сторонниковъ трудовой теоріи цѣнности. „Несмотря на такое ограничительное толкованіе трудовой теоріи, значеніе ея при этомъ толкованіи отнюдь не уменьшается. Исходя изъ нея, мы можемъ послѣдовательно придти къ тѣмъ самымъ положеніямъ, которыя обыкновенно считаются ло-

гическими выводами изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности“ (257). Доказательству этого и посвящена остальная часть работы. Мы не станемъ излагать этихъ доказательствъ, такъ какъ не согласны съ ихъ исходнымъ пунктомъ—съ трудовой теоріей субъективной цѣнности.

Эта теорія покоится, какъ мы видѣли, на положеніи, что весь общественный доходъ состоитъ изъ родственныхъ по производству благъ, и общимъ средствомъ производства ихъ служитъ трудъ человѣка. Но, какъ видно изъ собственнаго изложенія Франка, благами родственными по производству при помощи труда могутъ быть названы лишь тѣ, созданіе которыхъ зависитъ только отъ направленія личной дѣятельности человѣка, отъ приложенія его труда, другими словами, блага, свободно-воспроизводимыя трудомъ. Теперь посмотримъ, дѣйствительно-ли всѣ блага, входящія въ составъ дохода, обладаютъ этимъ свойствомъ. На стр. 222 Франкъ опредѣляетъ доходъ, какъ совокупность благъ, непрерывно уничтожаемыхъ потребленіемъ и потому непрерывно воспроизводимыхъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы всѣ эти блага были воспроизводимы *трудомъ* и кромѣ того *свободно-воспроизводимы*, какъ это онъ утверждаетъ на стр. 257. Отнюдь нѣтъ. У общества, напр., есть лѣсъ. Онъ ежегодно воспроизводитъ опредѣленное количество древесины, которая ежегодно и потребляется. Эта древесина, слѣдовательно, входитъ въ составъ общественнаго дохода. Но она вовсе не производится трудомъ. Кромѣ такихъ статей дохода, создаваемыхъ самой природой, въ него входитъ цѣлый рядъ благъ, которыя создаются при помощи труда, но производство которыхъ не можетъ быть расширено дальше извѣстныхъ предѣловъ, поставляемыхъ природными условіями и наличными размѣрами капиталовъ. Всѣ эти блага не могутъ считаться свободно-воспроизводимыми трудомъ. А слѣд. ко всѣмъ такимъ благамъ не приложимъ законъ цѣнности благъ родственниковъ по производству при помощи труда.

Неправильной является теорія Франка и по другимъ основаніямъ. Субъективная цѣнность извѣстнаго блага есть, по его словамъ, показатель нашей зависимости отъ этого блага. Если же благо не находится въ готовомъ видѣ, а производится при помощи тѣхъ или иныхъ средствъ производства, то цѣнность его есть показатель нашей зависимости отъ этихъ послѣднихъ. Чѣмъ меньше запасъ этихъ средствъ производства, тѣмъ выше будетъ цѣнность создаваемыхъ при ихъ помощи благъ. Всѣ же средства производства можно свести къ тремъ: труду, природѣ и капиталу. Поэтому и цѣнность благъ должна опредѣляться цѣнностью всѣхъ этихъ

средствъ, затрачиваемыхъ при производствѣ благъ, а не одного изъ нихъ, какъ полагаетъ Франкъ. Устраненіе двухъ другихъ факторовъ производства, капитала и природы удается ему лишь при помощи тѣхъ же логическихъ пріемовъ, какими Марксъ въ I томѣ „Капитала“ устраняетъ полезность изъ мѣновой цѣнности. Какъ тамъ полезность то вводится въ мѣновую цѣнность, то выбрасывается, такъ и здѣсь то признаются опредѣляющими субъективную цѣнность всѣ три фактора производства, то одинъ трудъ. Такъ, на стр. 224 Франкъ говоритъ: „если природа создаетъ блага, то она создаетъ и цѣнности“, а семью страницами ниже „трудъ становится универсальнымъ средствомъ производства“, и потому одинъ опредѣляетъ цѣнность благъ. Устраненіе другихъ факторовъ объясняется тѣмъ, что „производство организовано такъ, что созданіе блага находится въ зависимости исключительно отъ затраты опредѣленнаго количества труда“ (231), который и управляетъ остальными факторами производства. Но перелистуйте еще нѣсколько страницъ и вы встрѣтите собственное признаніе Франка въ томъ, что „вся совокупность факторовъ, участвующихъ въ созданіи блага, отнюдь не подчинена всецѣло господству человѣка; наоборотъ, его господство распространяется только на извѣстную часть, которую онъ можетъ заставить дѣйствовать въ желательномъ для него направленіи; остальная же часть принимаетъ участіе въ производствѣ чисто стихійно, и дѣйствія ея не опредѣляются волей человѣка“ (237). Впрочемъ, Франкъ говоритъ, что точная зависимость производства отъ труда соотвѣтствуетъ не современному состоянію производства, а „идеальному состоянію послѣдняго, такъ сказать, конечному пункту всякаго техническаго прогресса“ (237). Съ этимъ также нельзя согласиться.

Что касается капитала, то весь техническій прогрессъ состоитъ именно въ непрерывномъ ростѣ участія этого фактора въ производствѣ. Вслѣдствіе растущаго накопленія капиталовъ, каждая единица ихъ дѣлается все менѣе цѣнной, но абсолютное значеніе всего общественнаго капитала возрастаетъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ общественная потребность въ капиталахъ. И пока запасъ ихъ не станетъ совершенно неограниченнымъ, до тѣхъ поръ общество, затрачивая опредѣленное количество ихъ на созданіе того или иного блага, не перестанетъ при оцѣнкѣ блага принимать въ расчетъ эту затрату. Относительно природы Франкъ отчасти правъ въ томъ, что съ прогрессомъ науки и техники человѣкъ познаетъ тайну управленія ея силами и этимъ какъ-бы становится независимымъ отъ нея. Дѣйствительно, если человѣкъ овладѣетъ какой-

либо производительной силой внешней природы, запасъ которой неисчерпаемъ, онъ становится независимъ отъ нея, и цѣнить онъ будетъ лишь затрату своего труда, необходимую для управленія этой силой. Но если запасъ какой-либо силы природы ограниченъ, тогда человѣку придется принимать во вниманіе и затраты самой этой силы. И никакой прогрессъ не освободитъ его отъ такой зависимости. Иногда прогрессъ даже усиливаетъ эту зависимость отъ природы. Возьмемъ, напр. землю. Количество ея ограничено, а потребность въ ней съ ростомъ населенія увеличивается. Ни расчистка свободныхъ земель, ни развитіе земледѣлія не догоняютъ роста потребности въ ней, и земля становится все болѣе рѣдкимъ благомъ. А потому общество, затрачивая на созданіе опредѣленныхъ благъ участки земли, всегда будетъ принимать во вниманіе эту затрату при оцѣнкѣ создаваемыхъ при помощи ея продуктовъ. То же надо сказать и о расцѣнкѣ обществомъ руды, каменнаго угля и прочихъ продуктовъ, производство которыхъ связано не только съ затратой труда, но и съ истощеніемъ природныхъ запасовъ этихъ богатствъ. Въ виду всего этого мы не видимъ, когда прогрессъ производства сможетъ устранить значеніе природы и капиталовъ и привести оцѣнку общественнаго дохода къ соотвѣтствію съ затратами одного труда.

Но Франкъ утверждаетъ, что такое соотвѣтствіе, хотя и не вполне точное, возможно и въ настоящее время. „Разъ трудъ уже принимаетъ участіе въ производствѣ благъ, разъ онъ является по крайней мѣрѣ однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ результатъ производства, то мы имѣемъ на лицо господство человѣка надъ производствомъ въ томъ отношеніи, что увеличивая, или уменьшая затрату труда въ различныхъ отрасляхъ производства, человѣкъ имѣетъ возможность измѣнять количество продукта, а слѣдовательно и цѣнность его. При такомъ положеніи дѣла цѣнность продукта, хотя и будетъ опредѣляться его собственной предѣльной полезностью, но будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, автоматически стремиться стать пропорціональной затратѣ труда, именно благодаря переходу отъ менѣе доходныхъ отраслей производства въ отрасли болѣе доходныя и обусловленному такимъ переходомъ сглаживанію различій въ цѣнности продуктовъ равнаго количества труда“ (239). Въ этомъ разсужденіи уже заранѣе допущено, что одинъ трудъ расцѣнивается обществомъ при производствѣ, и ни затраты капиталовъ, ни затраты ограниченныхъ силъ природы не имѣютъ для него никакой цѣнности. Иначе становится совершенно непонятнымъ, почему равная доходность состоитъ въ созданіи равноцѣнностей при помощи

однихъ и тѣхъ же количествъ труда. Трудъ цѣнится человекомъ, потому что запасъ рабочей энергіи у него ограниченъ и ему приходится считаться съ каждой затратой этой энергіи. Но вѣдь запасъ многихъ производительныхъ силъ природы и капиталовъ также ограниченъ, а потому и трата этихъ факторовъ производства не можетъ не приниматься обществомъ во вниманіе при опредѣленіи доходности различныхъ отраслей производства. А при такихъ условіяхъ, стремленіе къ равной доходности можетъ приводить лишь къ тому, чтобы равныя цѣнности создавались при равной затратѣ всѣхъ факторовъ производства, а не одного труда.

Все сказанное заставляетъ насъ отвергнуть трудовую цѣнность даже „какъ подвидъ общаго понятія субъективной цѣнности“, какъ субъективную цѣнность общественнаго дохода, расцѣпимаго съ точки зрѣнія всего общества.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (седьмой и восьмой) Франкъ сопоставляетъ субъективную трудовую цѣнность съ цѣностью мѣновой и указываетъ на ихъ несовпаденіе. Причиной этого несовпаденія онъ считаетъ неравномѣрное распределеніе между отдѣльными лицами экономическаго и социальнаго могущества. Этимъ онъ правильно указываетъ, почему мѣновая цѣнность не совпадаетъ съ трудовой оцѣнкой благъ. Дѣйствительно, такая неравномѣрность состоящая, главнымъ образомъ, въ извѣстномъ распределеніи капиталовъ и силъ природы, не остается безъ вліянія на мѣновыя отношенія товаровъ, являющихся продуктами этихъ факторовъ производства и отклоняетъ ихъ отъ соответствія затратамъ труда. Но онъ неправъ, строя это несовпаденіе на отклоненіи индивидуальных оцѣнокъ, выраженіемъ которыхъ являются мѣновыя отношенія, отъ общественной оцѣнки, которая, по его мнѣнію, пропорціональна труду. Эта послѣдняя даже дальше отъ такой пропорціональности, нежели мѣновая цѣнность. Если представить себѣ, что личныя дарованія всѣхъ людей равны, что затѣмъ капиталами и силами природы владѣютъ не отдѣльныя лица, а всѣ, тогда мѣновая цѣнность будетъ пропорціональна труду. Но общественная оцѣнка благъ отъ этого нисколько не измѣнится. Пока люди надѣлены этими двумя факторами производства въ ограниченномъ количествѣ, и въ разныхъ отрасляхъ производства каждый изъ этихъ факторовъ затрачивается не пропорціонально затратамъ труда, она не будетъ совпадать съ трудовой оцѣнкой.

Но какъ бы ни относиться къ самостоятельнымъ построеніямъ автора во второй части его работы, этимъ нисколько не умаляется значеніе первой части ея. Въ послѣднее время русскіе защитники

трудоваго теоріи цѣнности обратили особое вниманіе на теорію предѣльной полезности. Разбирая ее, они любятъ указывать, какъ на главный ея недостатокъ, на ея субъективный характеръ. При этомъ они обыкновенно противопоставляютъ ей трудовую теорію, какъ строго объективную. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ г. Франку за весьма удачную сводку (хотя и чужихъ) доводовъ въ пользу того, что какъ объективная теорія, трудовая теорія цѣнности во всякомъ случаѣ не выдерживаетъ критики.

Александръ Билимовичъ.
